

Священник Николай Толстиков

ИЛЬИНКА

Повесть в рассказах

ПОРЧЕНый

Прежде Иван Петрович Рыжиков верил в Бога не больше прочих мужиков в округе: на раскат грома крестился, кошка до-рогу перешмыгнёт – сторонкой обходил.

Но на все воля Божия...

Старшая дочь его Аннушка была красавица с длинной русой косой. Коса эта чуть девушку и не погубила. Отец поехал по ка-ким-то делам в Вологду, взяв с собой дочь. От своего Городка до полустанка на железной дороге добирались они на попутной подводе, на поезд припоздали, состав уже тронулся. Запрыги-вали на ходу; отец – первым. Из тамбура протянул он дочери руку, но Аннушка не уцепилась, промахнулась, путаясь в сво-ей длиннополой юбке, и соскользнула с приступка вниз. Мало что шлёпнулась девка на насыпь, но и ещё поволокло её вслед за вагоном – длинная её коса захлестнулась намертво за сту-пеньку. Отец – то ли Бог надоумил, то ли сам сообразил – чирк-нул остроотточенным ножом-засапожником по натянутой, будто струна, косе...

После того Иван Петрович начал ходить в храм неукосни-тельно. Слушал наставления настоятеля старенького священ-ника отца Игнатия, помогал общине, чем мог, а потом, вместо умученного большевиками именитого купца, стал здесь послед-ним старостой.

Аннушка тогда, когда её влекло и било об камешник насыпи, дала зарок – если жива останется, то уйдёт в монашки, Христо-вы невесты. Но поскольку монастыри Советская власть поза-крывала, насельников и насельниц их то постреляли, то посажа-ли, осталась Аннушка в родном городишке, идти было некуда. Носила она теперь вместо прежнего яркого сарафана тёмную,

наглухо застёгнутую одежду, из-под краешка надвинутого на самые брови платка смотрели кротко её ясные васильковые глаза. Первые парни в городке сватались к Аннушке, но отказывала она им: видно, слух, что приняла она монашество в миру верен был. Постриг над ней совершил пришлый игумен.

Игумен Варнава был ещё не стар, крепок, настоятелю храма отцу Игнатию-божьему одуванчику сослужитель добрый. Прибрёл невесть из каких краев; говорили, что и в тюрьме посидел. Бабки-прихожанки первое время настороженно косились на свежие, ещё толком незажившие следы шрамов на его лице. Отец Игнатий воспрянул духом: прежде из немоги служил не каждую воскресную литургию. Где возьмёшь ещё священников: кого постреляли, кто по лагерям гниёт и мыкается.

Теперь же мелодичные колокола на звоннице храма стали перекликаться веселей и бодрей, а прихожан опять поприбыло и даже с соседних волостей. Игумен службы правил чинно, пел высоким красивым голосом.

Только недолго довелось радоваться старому настоятелю...

Встревоженный Иван Петрович Рыжиков прибежал в сумерках, постучался настойчиво в дверь поповского дома:

– Запрещали же вам на Пасху служить, – заговорил он торопливо, наклоняясь вплотную к уху глуховатого отца Игнатия. – Слышал я от надёжного человека: завтра, на Пасху, решили в сельсовете храм закрыть, а вас с игуменом в кутузку посадить. А там в Вологду в тюрьгу отправить... У меня зимовье, батюшка, есть. В лесах наших сам лешак заплутает. Схороню, и пересидите, даст Бог, лихие дни!

Отец Игнатий улыбнулся светло:

– Спаси Бог, Иван Петрович, за радение! Только рассуди сам – куда я побегу? Храм не оставишь, да и ноги уже еле носят. А случись что... На всё воля Божья! Да и кому до меня, старика, дело?

Он вздохнул и позвал игумена. Тот вышел в сени.

– Это тебе, отче Варнава, впору уйти с Иваном Петровичем!

– Что я, ровно заяц, бегать буду! – возмутился было игумен, но отец Игнатий остановил его.

– Ты, брат Варнава, ещё не стар, послужишь во Господню славу! А из-за тюремных-то стен как паству свою окормлять будешь?

Игумен ушёл той же ночью с Рыжиковым в лес. Сборы недолги: в котомку положил Евангелие и Следованную Псалтирь службу править, да сухарей на первое время.

«Подсоблю божьему человеку, не дам погинуть! – бормотал себе под нос Иван Петрович, пробираясь впереди монаха ему одному ведомой лесной тропкой. – Господь спас дочь мою, и я в долгу не останусь».

Отца Игнатия арестовали следующей ночью. Ввалились гурьбой: дверь была незаперта. Старец их будто и поджидал: стоя перед иконами и творя молитву, успел ещё раз напоследок перекреститься немощной рукой. Его подхватили под локотки, так и вынесли на волю. Подсадили в тарантас и – поминай как звали!

Утром и храм разорили. Председатель сельсовета с участковым милиционером долго трясли старуху ключницу, чтобы отдала им ключи от замков храма, но бабка уперлась – ни в какую, ни угрозами ни посулами не пронять.

– Прихватим чертовку в город с собой, за саботаж её в тюрьму! Выворачивайте запоры сами! – скомандовал смуглявый кудряш-уполномоченный из города.

Местное начальство, с опаской и подобострастием заглядывавшее ему в рот, послушно бросилось к дверям храма. Нашлось кому и подсобить, услужливо подсунуть в руки «фомку»: это были приезжие парни-комсомольцы из «союза безбожников» и с ними – местный Колька Лохан.

Когда Иван Петрович подъехал на лошади к церковной ограде – успел-таки, как сердце чувствовало! – из храма уже выволокли на паперть всю утварь, облачения, свалили в штабель иконы.

– Туточки будет у нас Дворец культуры! – слышался голос председателя. – Успокойтесь, бабоньки, Бога нынче отменили. А то вас, вон, как ключницу-то быстро заарестуют.

Иван Петрович протолкался сквозь толпу женщин возле ворот ограды, кивнув на кучу икон, спросил у незнакомого городского парня:

– А их куда?

– Жечь в костре будем, батя! – развязно осклабился балбес. – Опиум для народа изничтожать!

– А можно я на растопку себе тоже возьму?

– Валяй! – парень рассмеялся, потом приосанился. – Сознательный ты! Давай только побыстрей!

Рыжиков отнёс на телегу большую храмовую икону, притрусил соломой образ. Больше всего он побаивался, чтобы не узрел этого Колька Лохан. Что взбредёт в баламутную башку «комсомолисту», поднимет ещё крик, но миновало, слава Богу: Колькин голос доносился откуда-то с другой стороны храма. Иван Петрович, косясь на городского пролетария – «благодетеля», украдкой обмахнулся крестиком и тронул лошадь...

Колька Лохан, уже не малолеток-парень, девок, небось, в тёмных сенцах вовсю тискал, но как стал секретарем комсомольской ячейки в Городке, так вознёс нос, бывший батрацкий сынок. Теперь отцу-конюху он управляться с лошадьми не помогал, а обретался больше в избе-читальне: всё-таки приходскую школу закончил и грамотешке разумел. А теперь научился и говорить-молоть о царстве небесном на земле, то бишь коммунизме, где нет места Богу. Слушая Колькины байки, взрослые недоверчиво хмыкали, но ребятня внимала, раскрывши рот. Со всеми и Васька, младший сын Ивана Петровича.

Это он и показал Кольке Лохану, где отец прятал монаха. Игумена искали, но он как в омут канул. Арестовали Ивана Петровича, в тюрьме на допросах допытывались что да как. Еду игумену в зимовье носила теперь Аннушка, и младший братец следом за ней увязывался.

Лохан отвел Ваську в сторонку от прочей мелюзги, толкущейся возле избы-читальни, с участливым видом сказал:

– Знаю, что батю твоего в тюрьму посадили без вины. Но есть один человек, который может его оттуда выручить.

У Васьки встрепенулось сердчишко:

– Кто?!

– Тот дядя монах, что в лесу живёт, друг батьки твоего. Он-то как слово замолвит где надо, сразу отца отпустят! Вон, как батюшка раньше в церкви: что не попросит у боженьки – всё сбывается! Вот только надо мне с тем дядей прежде перетолковать, и будем вместе твоего батю выручать! Отведёшь меня к нему?

Колька спросил наугад, малого на пушку взял: видать, слышал звон да не знал, где он.

– Ладно! Сходим к дяде игумену! – радостный, согласился Васька...

Игумен поздно понял, что грядёт беда, когда вместо лёгкой поступи Аннушки или торопливых шажков младшего Васьки

услышал за окошком избушки топот тяжёлых мужских сапог, приглушённый гул голосов; даже издали, перешибая лесной дух, наплыло вонючее облако табачища и перегара.

Монах, выскочив из зимовки, метнулся через полянку к спасительной густой стене тёмного угрюмого ельника, но скрыться, затеряться в нём не успел.

Заметили, хоть и с похмельных глаз.

– Уйдёт!.. Стой, длинногривый!

Лохан первым рванул вдогонку за игуменом, но на опушке бора споткнулся о валежину и проелозил рылом по корням, ободрав его до крови.

– Стреляй! Уйдёт, гад! – вытирая кровь с рожи, проорал Колька участковому милиционеру.

Тот, тоже молодой парень, выстрелил из нагана скорее из запальчивости, наугад, но игумен в лесной чаще коротко вскрикнул и медленно осел на бок.

– А чё, попал?! – Лохан подбежал к нему и в ярости начал охаживать его пинками, покрикивая: – Помог тебе твой боженька, помог?!

Колькины «поддувалы», парни из его компании, тоже ринулись к игумену.

– Добьёте ведь! – вступился участковый.

– Так сопротивлялся нам, поповское отродье!

Окровавленного, с безвольно мотавшейся головой, игумена преследователи, чертыхаясь и матерясь, поволокли по тропе мимо спрятавшегося под ёлкой и онемевшего от страха Васьки. Про паренька и не вспомнили, теперь не нужен. А Васька тут же на мху под ёлкой забился в корчах, захлёбываясь слюной...

Его нашла и привела домой Аннушка. Скукоженный, как старичок, парнишка потом – не то что из дома выйти – мало-мальского шума с улицы пугался, норовил забиться в тёмный уголок за печью. И говорить не мог, отнялась речь. Мычал невнятно, точно глухонемой.

Однажды сестра всё-таки выманила брата из дома, и, надо же, столкнулся он нос к носу с Лоханом! Васька, едва завидев Кольку, забился в припадке.

«Порченной он! – говорили про Ваську старухи соседки. – Нет хуже! Бог наказал!» – и осуждающе поджимали губы.

Наверное, сам Лохан или кто-то из его дружков похвастал, как находили и вязали игумена – на Ваську с той поры ровно клеймо поставили.

И пришлось Аннушке заботиться об убогом брате. Мало того, что речь к нему не вернулась, он ещё и дальше дичился людей. Чуть окрепнув, парнишка стал работать скотником на колхозном дворе да так и остался там: видно, среди животных было ему легче, чем среди людей...

ИЛЬИНКА

Она каждый вечер, незадолго до заката солнца, поднималась на крутой взлобок-толстик холма, нависший над обрывом, и, приставив согнутую лодочкой ладонь к глазам, смотрела неотрывно на змейку дороги, выползающую из леса. Перевалив речной брод, дорога петляла по лугу. Дотянув до подножия Ильинского холма, дорожные колеи отворачивали в сторону и скатывались опять в низину, тянулись теперь к другому холму, по пологим склонам которого карабкались рядами улочек невзрачные домишки Городка к белеющей на вершине громаде Богоявленского собора.

Путник, вышедший из леса, на этой дороге был виден издали. Путь в два десятка вёрст от железнодорожной станции проделывался теперь обычно пешком, без надежды на попутный транспорт: в военную пору и полудохлая клячонка, впряжённая в телегу, была в редкость.

Ещё незадолго до революции намеревались проложить через Городок «железку», но не на шутку обеспокоенный таким обстоятельством городской «голова» шустро скликал на совет местных купчишек: дескать, как бы по причине «прогрессу» не лишиться доходов! Компаньоны прикинули-покумекали, и на тёплом приёме комиссия из путейских инженеров в дарёных караваях «хлеб-соли», к своему изумлению, обнаружила золотые червонцы. Взятки и тогда умели давать и брать. Инженеришки быстро сообразили, что к чему: линию на карте по другому месту прочертили – и остался городок прежним тихим захолустьем. Купчики-то потом охватились, поняли, что дали маху – барыши у них всё равно сошли на нет, бросились было по присутственным местам исправлять промашку, да поздно: поезд ушёл.

Остались от тех незадачливых «отцов города» каменные особняки на центральной площади, отданные Советами под детдома и прочие казённые заведения, и устроенные купеческим радением два храма. Один – собор в центре Городка,

а другой – далеко за околицей, на высоком холме, видимая со всех сторон Ильинка.

Бывшего настоятеля этого храма отца Андрея Щедрина и ждала уже немало лет матушка Антонина, выходя каждый вечер на взлобок холма над обрывом. Возвращался бы домой батюшка из далёкого мордовского лагеря по той вьющейся внизу извилине полевой дороги...

Густели сумерки; матушка Антонина горестно вздыхала и, кутаясь в полушалок, уходила в домишко на краю погоста. Она шла вдоль по тропинке снаружи церковной ограды, а с внутренней стороны по мощёной каменной плиткой дорожке размеренно вышагивал часовой с винтовкой за плечом. Поправив на голове пилотку, солдат кивнул матушке, как старой знакомой, и приветливо улыбнулся. Солдатик «зелёный», видать, из недавно призванных; глядя на пожилую попадью, может, свою мать вспомнил...

Это в начале войны караульные сердито окрикивали и пугали, клацая оружейными затворами, пытавшихся приблизиться к ограде богомольцев. Белоснежный храм, сверкая крестами на куполах, издали манил, притягивал к себе.

Богоявленский собор в центре Городка постигла страшная участь – летний храм коммуняки-богоборцы развалили взрывом и разобрали на кирпич, а в зимнем, обляпанном снаружи и изнутри кумачовыми полотнищами лозунгов, обустроили «вертеп» – дом культуры.

Дошёл было безжалостный черед поруганий и до Ильинки. «Чёрный воронок» глухой ночью увёз настоятеля отца Андрея, местный хулиган и задира Колька Лохан с активистами-комсомольцами сбросил со звонницы колокола... и вдруг точно одёрнул кто властно лиходеев. Участковый милиционер не позволил сбивать и выворачивать замки на дверях храма, сам ходил и проверял их сохранность. И даже сторож оставался при деле.

Матушке Антонине участковый предложил выселиться из поповского дома, стоящего внутри ограды, и матушка перебралась в крохотную хибарку к старушке-просфорнице в храмовой деревеньке, не ропща: всё не одна-одинёшенька.

Выглянув вечером из окна хибарки, Антонина заметила какие-то огоньки, медленно ползущие в сумерках по дороге из леса от станции. Вскоре, натужно поуркивая моторами, в гору друг за дружкой стали забираться «полуторки», гружёные ящиками.

На одной из них приехало отделение солдат. Они споро принялись разгружать ящики с машин и таскать их в раскрытые настежь двери храма.

«Полуторки» приезжали ещё несколько вечеров кряду, и так же солдатики шустро управлялись с грузом.

В поповском доме обосновалась охрана. По верху кирпичной ограды распутали колючую проволоку, и теперь денно и ночью стояли на посту часовые. О том, что было в тех ящиках, думали-гадали немногие жители деревеньки при погосте, и только к концу войны узналось, что хранились в подвалах Ильинки «энкеведешные» архивы из Ленинграда. Не было счастья, да несчастье помогло! Как зеницу ока оберегали чекисты Божий храм.

Дома в деревеньке вскоре опустели: жильцы их – кто прислуживал в храме, а кто и побирался – разбрелись по городковской родне.

Попадья и старушка-просфорница остались одни в домике-развалюхе. Обе дочери публично отказались от арестованного отца и уехали в дальние города. Так сделать их благословил сам отец Андрей: надеялся, что поповен после этого не тронут. «Благословил, стало быть, простил...» – вздыхала горестно Антонина.

Военной зимой навалилась голодуха: Антонине впору ложись бы да помирай, продавать или обменивать на хлеб было нечего: из поповского дома всё выгребли активисты, да и если что осталось, то из-под охраны не возьмёшь. Спасло то, что колхозная бригадирша, «партейная», но в детстве прихожанка храма, устроила Антонину в соседнее село на скотный двор коров доить. И хорошо, что не нашлись дураки и не донесли «куда надо», что супружницу «враждебного элемента» пригрела.

Конечно же, в согбенном, устало шагающем, одиноком путнике она узнала его издалека. Ещё не веря, побежала навстречу по тропинке под гору, но на краю поникшего, с жухлой травой, луга, когда под ногами в дорожной колее затрещал первый ледок, остановилась в нерешительности. Показалось, что ошиблась: чужой человек тяжело и устало брёл по дороге. Одет он был в истёртый грязный ватник, на голову натянута солдатская ушанка.

Черты пожелтевшего, ссохшегося, в глубоких морщинах лица отталкивали застывшей суровостью; но слезящиеся глаза знакомо радостно распахнулись:

– Тонюшка!..

Антонина, подхватив мужа под руку, помогла ему взойти на верх холма. Они стояли в обнимку, как в далёкой молодости, у ворот церковной ограды. Отец Андрей то переводил взгляд на супружницу, то опять долго и неотрывно смотрел на блистающие в лучах заката кресты на куполах храма.

Он приоткрыл калитку, по мощённой камешником дорожке добрёл до храмовой паперти и повалился ниц на её плиты.

– Вернулся я... Слава Тебе, Господи, за всё! – он гладил ладонями холодную поверхность плит, вытертую до блеска подошвами обуви богомольцев.

В домике просфорницы матушка Антонина, выудив ухватом из печи чугунок с горячей водой, вымыла в тазу ноги мужу. Прикасаясь к культишкам отмороженных пальцев на ступнях, вздыхала тяжело: «Как так можно-то?!», а он, прижав к её плечу стриженую, в шрамах, голову, шептал:

– Я их, т е х, простил...

Воскресным утром, прослышав о возвращении батюшки, народ повалил в храм. Кто, подходя к ограде, крестился истово на купола, а кто боязливо озирался по сторонам, прежде чем торопливо прошмыгнуть под арку ворот.

Когда, возвещая о начале Божественной литургии, прозвучал возглас отца Андрея «Благословенно царство Отца и Сына и Святаго Духа!», храм был полон. Пришли люди не только из Городка, но из дальних сёл и деревенок сюда добрались – повсюду по округе угрюмо высились порушенные поруганные храмы. Прихожане с жалостью взирали на стриженного священника с едва пробивающейся седой щетиной на впалых щёках: неся перед собой в вытянутых руках старинную, в окладе, книгу Евангелия, по солее батюшка ступал тяжело и трудно. Но служба шла и шла своим чередом.

Богомольцы исполнялись тихой молитвенной радостью. Горели, потрескивая, свечи, освещая святые лики на иконах и фресках, звонким речитативом откликались возгласам батюшки на ектениях старушки-певчие с клироса.

– Господу помолимся!

– Господи, помилуй!

Ещё только-только затихла война; и все ждали возвращения домой своих солдат, и живых где-то в далёкой Европе, и тех, кто пал на полях сражений...

После окончания службы из всего люда дольше всех не разбредались нищие. Дождались уж последних бабушек-богомолок, всё ещё торопливо крестились и протягивали к проходящим мимо грязные ковшики ладоней, гнусавя: «Подайте Христа ради!».

Среди калек-побирушек толклись два чумазых, в изодранной одежонке, мальчугана. Один, белобрысый, с голубенькими наивными глазёнками на бледном личике не просил, выпевал жалобно тоненьким голосочком:

– Дяденьки и тётеньки! Подайте сиротке!

Другой паренек, чуть постарше, тёрся возле него и внимательно следил за передвижением участкового милиционера. Когда тот выходил из храма и тут, стоя на ступеньке паперти, сворачивал самокрутку и прикуривал, пацан негромко свистел и следом за голубоглазым дружком стремительно нырял в нишу под угловой башенкой ограды. Милиционер, дымя, подходил к воротам, всякий раз с подозрением оглядывал нищую компанию, хмыкал и шёл обратно. Это взрослым убогим можно ещё притулиться к Богу, но детишкам – нет, пусть они хоть беспризорники или детдомовцы, всё равно властью заказано.

Милиционер скрывался в храме, и юные побирушки снова были тут как тут. Скоро остались они самыми последними: нищие, кто еле волоча ноги, а кто и вполне здоровой рысцей направились по дороге в Городок. Пацаны, видимо, добрались сюда со станции.

Отец Андрей вышел запирать калитку в ограде и увидел, что мальчишек «вытряхивает» почти взрослый парень-верзила. Зажал крепко под мышкой голову белобрысому и выворачивает вовсю у пацана карманы. Дружок, смуглый цыганёнок, как петушок на верзилу наскакивает, да толку мало.

– Молодой человек, оставьте детей в покое! – прикрикнул священник.

Верзила злобно зыркнул из-под низко надвинутого козырька мятой кепки на отца Андрея, с презрительным видом пустив струйку слюны в щербину между зубами, пробурчал: «Погоди, дедок, встретимся ещё!» и, отпустив пацана, пошагал прочь. Карманы он успел обчистить: ребяташки обескураженно хлюпали носами.

– Что, ребятки, пойдём к нам с матушкой в гости?! – предложил отец Андрей.

Пацаны, взъерошенные, настоженные, потянулись за ба-
тюшкой следом.

– Встречай, мать! Не одни сегодня трапезничать будем! –
священник легонько за плечи подтолкнул парнишек к столу.

– Но сначала помолимся!

Батюшка негромко прочёл молитву; ребяташки, перегляды-
ваясь, перекрестились.

На картошку с грибами они накинулись, осмелев, только
за ушами затрещало. Между таким делом отцу Андрею удалось
выведать, что юные гости беспризорничают на станции, что со-
бирались махнуть на тёплые «юга», но застряли пока. Белобры-
сенького звать Васька, чернявого – Ромка.

После еды и участливых слов ребята размякли, тут же и при-
корнули на широкой лавке возле стены, привалясь друг к другу.
Во сне вздрагивали, дёргались. Стоило коту с печной лежанки
на пол соскочить, и тут же Ромка мутные со сна глаза открыл
и заозирался. Потом улыбнулся и опять заснул.

– Пусть у нас поживут, чем скитаться-то? Вместо внуков, –
глядя на ребят, спросил супружницу отец Андрей.

Она молча кивнула в ответ. И оба в ту минуту с горечью
вспомнили об обитавших в дальних городах дочерях, отрёкших-
ся от родного отца...

Но не тут-то было! И дня не минуло, а уже забегал, засуетил-
ся, заугрожал Лохан. Величина – церковный староста! На войну
Лохана по какой-то причине не мобилизовали, добровольцем
идти он не возжелал – это не речуги в людных местах толкать.
В какой-то конторке по заготовке съестных припасов просидел
он тихой мышкой, но, когда война кончилась, осмелел, лихо за-
лез государству в карман и попался. Вернувшиеся фронтовики
к тыловой крысе снисхождения не имели, вытурили из партии.
Но Лохана не «посадили». Для иного дела теперь он понадо-
бился, в храм старостой соответствующие товарищи из КГБ
его определили.

– Ты у меня будешь вот где! – совал он сухонький кулачок
под нос отцу Андрею. – За каждым шагом следить буду, каждую
копеечку учту – не затаишь!

Лохан бродил по храму во время службы, облачённый в вы-
чищенный пиджачишко, лба никогда не крестил. По большим
праздникам староста больше обретался возле свечного ящика,
пристально наблюдая за работой продавцов.

Приезжий издали на богомолье народ запросто мог в сутолке бесцеремонно попихать локтями заносчивого мужичка, но свои местные взирали на него хоть и с насмешкой, но и с порядочной опаской. Разорял собор в Городке, здесь в Ильинке со звонницы колокола сбрасывал, и теперь что ему в голову взбредёт, когда нежданно-негаданно его старостой тут поставили.

– Да тебя опять посадят, дурья башка! – Лохан привык не особо церемониться в разговорах с батюшкой. – Вот доложу куда надо, что ты юное поколение в религиозный дурман заманиваешь! Не я, так другие! Благодарить ещё меня будешь!..

Не успел священник в ответ и рта открыть, как Лохан цепко сгрёб парнишек за руки и поволок в Городок в детприёмник:

– Не вам, попам, о молодёжи заботиться, Советская власть на то есть!

Вернулся Лохан смущённый и злой: не довёл ребят до детдома.

– Вырвались, сволочи, и убежали. Хмырь какой-то долговязый из-за угла под ноги мне бросился, вот их я и упустил.

Лохан в сердцах сплюнул, но закончил, как всегда, назидательно:

– А вот если бы эти пацаны спёрли чего-нибудь из церкви, а?! Кто бы отвечал, кроме тебя, батько? То-то!..

Подошло время отцу Андрею в очередной раз вести «ругу» – взнос от прихода в епархиальное управление. Свёрток затёртых рублишек и трёшников, редко – червонцев и в придачу пригорошню мелочи отец Андрей помещал в неприметный старенький саквояжик, с ним и пускался в дорогу. До станции он обычно добирался за попутье с кем-нибудь из односельчан, а там садился на проходящий поезд и – в Вологду.

И сейчас было всё как обычно, только когда священник поднимался по ступенькам в тамбур вагона, столкнулся нос к носу с тем самым юнцом-верзилой, что выворачивал карманы у мальчишек. Юнец хмыкнул, неприязненно ухмыляясь, отвернулся. Впрочем, батюшка скоро забыл о нём, заняв свободное местечко и погружаясь в свои думки.

А тут же за стенкой, в тамбуре, верзила прижал Ромку-цыганёнка:

– Точно поп «башли» в своём чемодане возит?

Цыганёнок кивнул: видел, как складывал.

– А чего ж тогда не украл?.. Эх, вас, дураков учить!.. – верзила презрительно циркнул слюной в щербинку между зубов. – Так... Тогда ты, Васька, прикинься, что брюхо у тебя скрутило. Понял? – потрянул он за плечо белобрысого. – А ты, Ромка, сюда попа вызывай! Что, сыкуны, затихарились: в детдом обратно охота? Больше выручать не буду. Ну?!

Верзила для пущей убедительности сунул Ваське под «дых», мальчонка скрутился на полу. Ромка, испуганный, побежал за отцом Андреем.

– Батюшка, там нашему Ваське худо!

Священник в тамбуре склонился над скрюченным стонущим мальчишкой, и тут его ударил кастетом по затылку верзила. Ручку саквояжа отец Андрей, теряя сознание, всё равно не выпустил. Верзила вырвать её не смог и тогда ещё раз ударил священника в висок.

– Валим! – скомандовал пацанам...

Но далеко удрать грабители не успели: кто-то, наверное проводник, споткнулся о распростёртое тело священника – у юных лиходеев не хватило силёнок выбросить его из тамбура на насыпь. Голубчиков с поличным милиция сцапала на ближайшей же остановке: верзила набивал свои карманы деньгами из священнического саквояжа.

Отца Андрея схоронили без всякой огласки, тайком, не возле родной Ильинки, а неподалеку от остова заброшенного храма на окраине областного центра.

– Чтобы новым святым, чего доброго, вашего батьку не объявили! – ораторствовал по этому поводу перед ильинскими прихожанами Лохан и крутил неопределённо вознятым пальцем над своей башкой. – Там о н и знают что делают, раз запретили!.. А попу было говорено и не раз насчёт пацанов: пригрел змеёнышей – жди беды! Но жаль, конечно, его, хоть и никчёмный человечиска! – вздыхал притворно Лохан.

На закрытом заседании суда матушка Антонина, глядя на понурые, перепуганные лица мальчишек, попросила судью простить их:

– Батюшка бы сам их простил...

ОДНОПОЛЧАНИН

1. ХРИСТОПРОДАВЦЫ

Алексею Рыжикову казалось, что двоюродные братья ему всегда завидовали. Отец их Павел, старший сын Ивана Петровича, вернулся с фронта инвалидом, но, пойдя на поправку, обзавёлся большой семьёй. Крутил «баранку» колхозной машинёшки, на подворье содержал целую «скотобазу». Ребята подрастали у него не дармоедами, а помощниками. Одежду и обувь друг после дружки донашивали; в доме каждый своё дело знал: кому на сенокосе помогать отцу, кому – матери дома стирать.

Когда по большой амнистии летом пятьдесят третьего года освободился из лагеря Иван Петрович, то, вернувшись домой, он надумал женить Ваську. Младший сын вымахал в здорового не по годам мужика, ломил, как лошадь, на колхозном скотном дворе. От его угрюмого страхолюдного вида, будто от образины, испуганно шарахались не только девки, но и тёртые бабенки.

«Порченый» Васька по-прежнему, как в детстве, не мог говорить, только мычал, как глухонемой, бился иногда в припадках, истекая пеной. Городок невелик – ничего не скроешь, все знали: наказание это ему за предательство, пусть и по детской глупости, игумена.

Век бы куковать Ваське бобылём на скотном дворе и быкам хвосты крутить, но высватал Иван Петрович за сына из дальней деревни вдову много его постарше. Нужен мужику, какой уж бы он не был, женский догляд – спокойно рассудили соседи в городке и всё-таки были удивлены, когда у пары родился сын. Иван Петрович сам крестил внука: прочёл молитвы, трижды окунул в самодельную купель – храм в хрущёвскую пору стоял закрытым.

Так бы и рос Алёшка, как и все прочие ребяташки в округе, если бы не взял племянника на воспитание другой сын-фронтвик Ивана Петровича – Пётр. Он остался в армии: после ранения и госпиталя, попал в военное училище и из лейтенантов потом, после войны, дослужился до полковника, военкома большого города на Украине.

Поначалу приглянувшийся Алёшка гостил у бездетной четы, а потом и вовсе она забрала парнишку в город. Алёшка теперь приезжал на родину на каникулы. Чистенький, с городским

«акающим» выговором, в опрятном дорогом костюмчике он сторонился своих родителей, пахнущих землёй и навозом.

Дальше путь ему был определён в военное училище, а потом ждала и безбедная служба под дядюшкиным крылом. Ну как тут было не позавидовать Алёшке его сельским сверстникам?!

Но всё хорошее когда-нибудь да кончается... После отставки и кончины дядюшки завершилась у Алексея и безоблачная служба в военкомате. А без прежнего «блата» оказался он в конце концов замполитом в роте охраны аэродрома, где и пришлось дослуживать. Ссылали сюда проштрафившихся офицеров, забулдыг или вовсе раздолбаев.

Личная жизнь тоже не задалась: в отставке развёлся с третьей женой, пришлось разменять и дядюшкину полковничью квартиру. В одиночестве в тесной комнатухе-казематке скоро наскучило и подался тогда Алексей на малую родину в Городок, хотя и никто уже не ждал его там. Разве что ставленный ещё дедом дом...

Прежде, когда он изредка приезжал в Городок, и жаждая неторопливого общения, проходил по его улочкам, старые знакомцы от него отмахивались, пробегали мимо. Все были при деле. Даже алкаши записные, тюремщики – на теле живого места от наколок нет, и те по скорому «залудив» по стакану и не вступая в разглагольствования, мчались кто куда. Одни – в лес на делянку, другие – на пилораму бревна закатывать. Время – деньги.

Уж если только с самыми последними «опойками» можно было компанию составлять.

Но вот грянул вдруг мировой кризис, и стоило теперь Алексею лишь показаться в Городке, как тут же его встретила целая орава мужиков, желающих набиться в собутыльники. Бабёнки-то, цепляясь за бюджетные должности, получали какие-то копейки и старались худо-бедно содержать семью. А мужики, когда выпазганный ими на многих гектарах окрест лес и стрелованный в бесчисленные штабеля, стал никому не нужен ни в столице, ни за бугром, растерялись и раскисли, пошли горе своё заливать. А «горловина» эта такая, что скоро портки последние с себя спустишь, а «нутро» всё ноет и требует.

Мужики к старушкам наведываться: дров напилить и наколоть, забор подправить или крышу дома починить. Мало ли дел в хозяйстве найдётся? Главное, чтобы старушонка рассчитаться

могла, она же пенсионерка и у неё денежки есть. Но и бабули скоро ушлые сделались: запрут на все запоры и нос наружу ни за что не высунут. Знают они горе-работничков: вроде что-то делают, а сами зыркают по сторонам чего бы спереть да и продать потом в соседнем же доме.

За Алексеем открылась настоящая охота: он – военный пенсионер, не то что какая-нибудь тебе старуха. Богач! Раньше ему просто покалякать было не с кем, а теперь дай бы Бог благополучно прошмыгнуть мимо этого желающих и жаждущих!

Но двое, Алька Лохов да Вовик Безруков, пристанут, как листья банные. Они тоже в Городке без дела болтаются. Алька, ровесник Алексею, сын известного местного «безбожника» Кольки Лохана, скончавшегося по пьяни в придорожной канаве – пить старик просил и никто из земляков не подал, проходя мимо его с опаской, в самом начале лесного «бума» влип с возом ворованного леса, схлопотал срок, правда, небольшой. Хотя его вполне хватило для того, чтобы Алька «завязал» воровать по-крупному. Для собственного прокорма он промышлял теперь по мелочёвке, под покровом ночи шарился по подворьям и тянул, что плохо лежит и не приколочено. Ясным днём он всучивал свою «добычу» где-нибудь на другом краю Городка за бутылку «палёной» водки и краюху хлеба. После неудачных выходов на «промысел» Алька, как утверждали злые языки, не брезговал и перекусить собачатиной: то там, то тут бесследно пропадали добродушные упитанные псины.

Другой кто давно бы от такой житухи коньки отбросил, а Альке хоть бы что! К нему, приветливому и словоохотливому, ещё и бабёнки-алкашки липли. Когда-то у Альки была своя семья, дети, но от мужика-гулевана все сбежали, и обитал теперь Алька один, но временами – и с сожительницами, в полуразвалившемся родительском доме с дырявой крышей.

А над Вовиком Безруковым не зря подсмеивались: маленькая собачка и до старости – щенок! Дело – к «полтиннику», а он всё как пацанчик, шкет шкетом: ростиком – метр с кепкой, косточки щуплого тельца только что не просвечивают на солнышке. Вдобавок – у него наивные глаза навывкат, и дураковатая улыбочка всегда сияет на рожце. К учению или к какому серьёзному ремеслу Вовик оказался с малолетства не способен, от юности до «пустозрелости» перебивался кое-какими работками – бери меньше, кидай ближе. Благо подкармливали его мамаша и отец-инвалид. Девки на Вовика – ноль внимания,

остался он старым холостяжкой. Потом ещё и в тюрягу загремел. Выпивал как-то в компании с такими же, как сам, шаромыжниками, и стакан с «палёной», видать, не поделили, повздорили. Вовкин оппонент, едва живой с перепоя, сам споткнулся и упал, а Вовик решил закрепить неожиданную свою победу: распластанному на земле верзиле вlepил в бок пинок. У верзилы во внутренностях лопнула и пошла кровью застарелая болячка, через несколько часов бедняга отдал концы...

Вовик «отсидел» своё и, вернувшись домой, отпустил длинную, с проседью, бороду: вроде б как «закосил» под монашка. Но ни в церкви, ни около неё Вовика никто не видел, тёрся он больше на автовокзале. Облачённый в затрапезную одежду явно с чужого плеча, нацепив на нос очки с растресканными стёклами, Вовик восседал на лавке у входа и, раскрыв какую-то затрёпанную книгу, бубнил невнятно, размеренно-неторопливо крестясь. Кто-то из сердобольных путешественников ссужал его рублишжом-другим, и довольный Вовик бежал в соседнюю домушку аптеки за склянкой «брынцаловки», именуемой так местным народом настойки боярышника. «Поднабравшись», он заползал в привокзальные кусты подремать. После блаженного сна он опять вылезал в людскую толчею, и, если не подавали чужие, то начинал приставать с просьбишками к местным прохожим, впрочем получая тут чаще вместо денежки по уху.

Позднее Вовик повысил «квалификацию»: переместился на микробазарчик в центре Городка убирать после торгашей остатки испортившегося товара. Перепадало ему и полакомится вкуснятинкой, а то и нажраться от пуза; днём было время и на «брынцаловку» копеек настрелять у тех же торговцев и покупателей.

Вот они, Алька с Вовчиком, и составили Алексею в этот раз компанию. Знали, чем его пронять, как и любого человека – залезбили перед ним оба, с заискивающими нотками в голосе называли по имени-отчеству.

Он и «повёлся», поглядывая свысока, поделился со школьными однокашниками сигаретами, присел на лавочку с ними на минутку покурить, прихвастывая, поотвечал на участливые их вопросы о житье-бытье и не заметил, как разговор свернулся на «пол-литра» Слабо, что ли, неимущих угостить, самолюбие себе же потешить?

А там, дальше, понеслось всё кувырком! Друзья-приятели мигом просекли, что в кошельке у Алексея имеется, пусть

и скромная, но наличность, и теперь не собирались с ним расставаться.

Гулянка плавно переместилась из парка под дырявую крышу Алькиного дома.

Дом – наподобие постоянного двора, забегаловки: одни людишки приходят, пьют-гуляют, валяются и потом кое-как прочь уползают, а на смену им уж другие прутся. Хозяин Алька только рад тому, кто на огонёк с дармовой «палёнкой» наведается. В доме – голо, шаром покати: на просторной кухне под тусклой лампочкой возле стола громоздятся грубо сколоченные лавки, в полумраке горницы угадываются очертания кроватей с голыми панцирными сетками с кучами тряпья, наваленного на них. Здесь и днём темно: видать, кто-то буйный высадил в окна стёкла, и они были наспех залатаны листами фанеры.

Алексей с новыми приятелями «попал в круг»: для него день перемешался с ночью, в пьяном забытии проплывали перед ним какие-то рожи. Выпивох оказалось в Городке не так уж и мало, Алик с Вовиком – только верхушка айсберга. Кого-то Алексей помнил ещё с детских лет, росли вместе, в одну школу бегали, и им он радовался больше. Незнакомцы, выслушивая его болтовню о зигзагах военной карьеры, хмуро и недоверчиво хмыкали; одноклассники же рассказам внимали, раскрывши рты, хлопали Алексея по плечу, лезли пить на брудершафт: «Вот он наш герой!».

Язык у Алексея деревенел, славный ветеран засыпал, уткнувшись лицом в столешницу, чтобы вскоре опять быть растолканным очередным захожаем. Алексей договорился уж до того, что он – без пяти минут генерал авиации и геройскую «звезду» только из-за происков злопыхателей не получил...

Очередной раз очнулся он – его трясли, умоляли, требовали. Наступил кризис наличности в кошельке – на самую захудалую, воняющую ацетоном, бутылку палёнки было не наскрести. Алексей пошарился в карманах – тоже пусто.

Кто заикнулся об этом первым? Наверное, Алька.

– Лёха! – теперь к Алексею заискивающе по имени-отчеству никто не обращался. – У тебя в доме иконы от стариков остались, без толку висят. Давай «толкнём» пока хотя бы одну! Вон, Вовка её «чуркам» своим на базар сволокёт и хорошо загонит!

Вовик головёнкой радостно закивал: всегда готов!

В сумерках, пьяно гомоня и поддерживая под локти друг дружку, они поплелись к Алёхиному дому. Редкие встречные

прохожие брезгливо и испуганно шарахались от разудалой компашки, перебегали на другую сторону улицы. Кончилась нечастая чередá светящих себе под нос уличных фонарей; на окраине Городка – темень ткну глаз, возле родительского дома Алексея гуляки притихли. Проглянула ненадолго ущербная луна в разрыве облаков, и Алексей, наконец, попал ключом в замочную скважину. Руки тряслись, едва ключ не обронил. Алька с Вовиком притулились на брёвнышке под забором, вроде б как «на стрёме» остались стоять.

Алексей, не включая свет, прокрался в темноте из сеней в горницу. С улицы в окна проникал бледный лунный свет, и в углах пугающе шевелились какие-то тени. «Откуда они и взялись? – у Алексея взхлёб колотилось сердце. – Как вор я...».

Боясь оглянуться, он на цыпочках прокрался к божнице в «красном» углу и, нащупав за занавеской на киоте доску иконы, резко её сдернул и, прижав к груди, опрометью вылетел из избы.

– Мужики, а может, не надо продавать? – нерешительно пролепетал он на улице.

– Давай, Леха, не скупердяйничай! – Алька ловко выхватил из его рук икону и передал Вовику.

Тот, шкет, где ветром мотает, а тут рванул на желтеющие в Городке огоньки фонарей – только его и видели. Следом – Алька. Алексею оставалось покорно ковылять за ними по лужам.

«А что? – пытался оправдаться он. – Они и так бы в дом залезли и украли, стоило бы мне только уехать. Не они – так другие. А тут всё же даром не пропадёт...»

От последних словечек, провернувшись в мыслях, Алексея покорило, стало противно и тоскливо на душе...

Впрочем, свежая лошадиная доза пойла угрызения совести скоро заглушила.

Опять в Алькином вертепе пошёл-поехал шум, гам, тарарам!

Не только мужички заскакивали на «огонёк», забредали и бабёнки. Алексей уж на что пьян не бывал, но сторонился их, неряшливо одетых, с опухшими лицами, противными визгливыми голосами. Бабёнки все равно нагло норовили залезть к нему на колени, тыкались ему в щёки слюнявыми губами и, грубо стряхнутые с коленей, пускали похабные шуточки и сами же, довольные, хихикали над ними.

Надьку, сестру Альки, свою ровесницу, Алексей бы и не узнал, если бы её брат не окликнул... Ввалились две доходяги-

бабёнки с одинаково оплывшими, с землистой кожей рожам, одетые в одинакового фасона трунью: драные грязные джинсы, затасканные пиджаки явно с мужского плеча. Кое-как подстриженные волосы разлохмачены во все стороны, только что сенной трухи в них не хватает. У бабёнок – последняя стадия, сразу видно, дальше их ждёт гибель под забором или возле баков помойки.

Одна из доходяжек, пытаюсь распялить в улыбке по-старушечьи беззубый рот, подседа к Алексею и тут же сгребла со стола его стакан и выхлебала остатки палёнки.

– Надька, хорош борзеть! – угрожливо прикрикнул на неё Алька.

Дама резко обернулась к нему, злобно заблестевшие глаза её сузились в щёлки. Ещё немного – и она вцепилась бы в хозяина вертепа.

Но Алька вовремя переключил её внимание на гостя:

– Помнишь его? Это Леха Рыжиков!

– Лешка?! Ты?! – Надька, восторженно взвизгнув, немедленно обслюнявила Алексею щёки и пристроилась, елозя тощим задом, на его колени.

Грубо стряхнуть её, как других, Алексей не посмел. Надьку ещё в детстве Алёшка побаивался. Завидев её, идущую по улочке навстречу, норовил поскорей свернуть в проулок, а то и сунуться напрапалую в какой-нибудь двор. Потому как Надька из пацанок – язва хорошая, язычком подцепит – сходу в краску вгонит. Все Алёшкины изъяны наружу вывернет, в особенности при девчонках. Знает, что в ответ оплеуху Алёшка не даст и не нагрубит: нет, не слабак он, а просто девок боится. А Надька и рада-радёшенька...

Приехала к соседям юная гостья из большого города, поглянула Алёшке; тот не знает, как и к ней подступить. Решился таки однажды, заговорил с девчонкой, а Надька тут как тут! Идёт мимо и, прищуривая глаз, кричит Алёшке:

– Эй, чмо болотное, пойдём любовью заниматься!

Где и слова такие услышала, ведь по телеку в ту пору о том молчали?!

Приезжая девчонка покосилась на Лешку, хмыкнула и домой юркнула. Что за кавалер, коли ответить не может, стоит и пышкается, рот распялив.

Надька вымахала в рослую крепкозадую бабёнку: в редкие приезды Алексея в родной городишко иногда встречалась ему,

с ехидцей улыбаясь белозубо. И Алексей, как в подростках, старался прошмыгнуть поскорее мимо...

Алька, неистощимый пустобрёх и балагур, ещё вчера пригрюнивался над стаканом палёной водки, вспоминая, что сеструху, сгинувшую в одночасье из-за этой самой заразы, недавно схоронил. А сейчас Надька, вроде бы и живая, сидела на коленях у Алексея. Склонилась к уху и зашептала горячо:

– Уйдём отсюда! Ну их всех, пропадёшь с ними ни за грош!

И дряблые свои титёшки в Алехины ладони вжала.

В ночной тишине они брели, обнявшись, по улочке наугад.

– И не вздумай возвращаться к ним! – запальчиво бормотала Надька. – У меня, вон, мужик – красавец был, спился с концами! Теперь дочка – прости господи, сынок в тюрьге сидит. И сама я – кто бы пригрел! А всё прежде над людьми смеялась-лыбилась!.. И тебя, бывало, задевала. Прости, нравился ты мне, пусть и «тёпленький» был...

У Алексея отяжелела голова, ноги подгибались в коленях. Надькин торопливый говорок становился всё глуше и глуше, а потом отдалился и вовсе...

Алексей очнулся, когда уже брезжил робкий серенький рассвет. Кто-то настойчиво тормозил его, лежащего на холодной земле, за плечо. Алексей приоткрыл глаза и обмер: над ним склонился священник. Кое-как поднявшись, Алексей испуганно-недоумённо заозирался по сторонам: церковный погост, низкие, заросшие травой, холмики в оградках, храм с открытыми вратами.

У священника были добрые, с участливо-тревожным выражением глаза, рыжеватая бородка пушилась с круглых щёк. Оглянувшись на Алексея ещё раз, он, перекрестясь, шагнул в проём церковных врат. Алексей, превозмогая в себе страх и озноб, переступил порог следом.

2. ОДНОПОЛЧАНИН

Руку настоятелю Алексей целовал подчёркнуто подобострастно, плохо скрывая усмешку: как же, сам – майор, а перед «старлеем» вот так... Да и годами постарше. Отец Андрей, конечно, чувствовал это и, принимая кадило, старался лишний раз руку к губам Алексея не подсовывать. Что подделаешь, сам же предложил бывшему воину в алтаре помогать, когда обрёл его лежащим почти без чувств на паперти. Пока приводил его тогда в себя, отпаивая молоком, выяснилось, что в одном

авиацентре когда-то служили. Алексей, едва ему полегчало, стал опять словоохотливым и быстро у батюшки выведал что да как: бывших замполитов не бывает. Только разница: отец Андрей служил в истребительном полку пилотом «сушки», а Алексей, стало быть, с солдатами на стоянке охранял его «боевого коня».

Но Алексей обычно скоро забывал о добрых делах и, с перепачканным в саже лицом разжигая в пономарке кадило, уже ловил себя на том, что просто батюшке этому завидует. Вон он как сумел – из лётчиков напрямик в попы пристроиться, а Алексей, как запутался в жизни, так и распутаться толком не мог. «Наверняка тут не обошлось без «блата»!» – решал, успокаивая самолюбие, Алексей. Так всегда думалось ему привычнее и всё объясняло.

И не ожидал Алексей, что своё мнение ему придётся однажды переменить...

Вальке Лохову «деды» пригрозили его побить. Прибывшее в роту пополнение учили «понимать службу» поодиночке в каптёрке. Молодые воины стойко терпели побои, но Валька, хулиганистый и не шибко пугливый на «гражданке» в Городке, сумел которому-то из «дедов» сунуть в ответ зуботычину. Измолотили его тогда изрядно, больше прочих досталось: «Не жить тебе, салага! Лучше сразу вешайся!»

И Валька не стал дожидаться, что дальше будет, ушёл с поста в первом же карауле. Молодой командир роты, видимо, поощрял самоуправство «дедов». С ухмылкой поглядывая на «фингалы», украшающие лица новобранцев, брякнул что-то о славных традициях роты, и с лёгким сердцем отправил молодёжь в караул. Ребята деревенские, тихие, а кто и заерокожится из них, шустро «деды» обломают. Сами же «салаги» потом такими будут: не беспокойся, отец командир, в роте всегда порядок!

Вальку оставили было дневальным; ефрейтор-обидчик зловеще подмигнул ему: «Кабздец тебе ночью, жди!», но кто-то из ребят заболел, и Лохову в последний момент сунули в руки в оружейной комнате автомат и отправили на плац на построение.

Неподалеку от границы поста проходила железная дорога, поезд на повороте сбрасывал ход, и Валька забрался в то-варняк...

Его, голубчика, уже поджидали дома. Эх, ворвался бы прямо с дороги, обнял бы мать, но пришлось ему красться в ранних осенних сумерках огородами и задворками, боясь всполошить собак. Понимал Валька, что днём открыто по улице не пройдёшь, потому отлёживался до поры в потерявшем лист лесочке, зарывшись в ворох опавшей жухлой листвы.

И всё-таки не ожидал он, что дома его караулят. Так призывно светились родные окошечки.

– Рядовой Лохов! Стоять на месте! – заорал заполошно кто-то из темноты голосом ротного командира. – Вперёд, за ним!

Валька рванул обратно в огороды, за ним с рёвом ломанулись преследователи, пытаясь отсечь ему путь отступления к лесу.

Валька, затравленно озираясь, выскочил на околицу городка; парня уже догоняли, едва не дышали в затылок.

– Вон он! Держи! – орал громче всех ефрейтор – Валькин недруг.

Впереди Вальки забелели стены храма; стоя на паперти под тусклым фонарем, старушонка собиралась запереть его ворота. Вальке оставалось затравленным зверьком юркнуть туда, оттолкнув бабку. Он с лязгом захлопнул металлическую створку ворот за собой и, нащупав в сумраке запор, никак не мог с ним управиться. Преследователи нагоняли, мчась со всех ног на заполошные старушечьи вопли. Ещё чуть-чуть и – на самой паперти!

– Стоять на месте! – взвизгнул Валька и сдёрнул с плеча болтавшийся до этого без толку автомат.

Сухо щёлкнул выстрел, и Валькины преследователи отпрянули обратно.

– Пристрелю всех! – продолжал истошно визжать Валька. – И себя застрелю! И-и!..

– Рядовой Лохов, приказываю вам немедленно сложить оружие! Выйти с поднятыми руками! – неуверенно крикнул командир роты и подтолкнул прижимавшегося рядом с ним к земле ефрейтора – Валькиного обидчика. – Давай иди туда, уговаривай своего подчинённого!

– Не пойдю! Шмальнет только так, придурочный!

– Сами вы придурки, «дембеля» хреновы! Сволочи, подвели... – проскрипел зубами ротный, видимо, сожалея и о недостижимой теперь «звездочке» на погоны.

– Отца ведут! Может, отец уговорит сдаться? – крикнул кто-то позади них.

Участковый милиционер выудил из какого-то вертепа Альку Лоха. Пьяненький Алька, болтаясь из стороны в сторону, смело побрёл к храму, приветливо помахивая рукой:

– Сынок, это я, твой папочка!

– Убью, падла! – затравленно крикнул ему в ответ Валька и щёлкнул затвором автомата.

Алька, как подкошенный, плюхнулся наземь и проворно, на четвереньках, отполз обратно.

– Он может! Весь в меня! – в безопасности заявил он с пьяной горделивостью.

– Мать бы позвать... – предложил кто-то.

– Уехала она неведомо куда! – развёл руками участковый. – Вон, гаврик-выпивоха, довёл! – кивнул он на лыбившегося ехидно Альку. – ОМОН надо вызывать!

– Так они церкву-то вдребезги разнесут, ведь тот Лоханёнок-то, небось, отстреливаться станет!

– Не надо ОМОН! – негромко, но твёрдо сказал настоятель храма отец Андрей.

– Храм, батюшка, жалко?! – тут же нашлось кому подначить.

– Человека жаль! – отец Андрей вышел из-за ствола дерева и, поправив крест на груди, пошёл открыто по тропе, ведущей к храму. Уже робко забрежил осенний серенький рассвет, и священника в чёрном долгополом подряснике, с поблескивающим крестом на груди, было хорошо видно. Все напряжённо и ожидающе уставились ему в спину. В узкую щель между створками ворот храма, почти на уровне паперти, высовывался воронёный короткий ствол автомата: Валька, лежа на полу, затаился, выжидая. Но вот ствол угрожающе качнулся, и отец Андрей, замедлив шаги, поднял руки, показывая Вальке раскрытые ладони:

– Не бойся! Видишь, я – безоружен! Я священник! Поговорим?

Валька в ответ молчал, приглядывался долго, потом проговорил даже с какой-то робкой надеждой в голосе:

– Я помню. Вы меня перед отправкой в армию крестили здесь.

– Вот видишь: храм Божий от беды человека спасает, в нём он защиты ищет. – Отец Андрей потихоньку подошёл к паперти, поднялся по её низким ступенькам. Взялся за кольцо у створки

ворот, осторожно потянул на себя. Валька стоял за дверью, сжимая в руках автомат и не убирая пальца с пускового крючка.

– Подумай, Валентин, о матери... Ждёт ведь тебя. И душу свою надо спасти. А с оружием в Божием храме быть не годится! – и священник, обхватив ладонью цевьё автомата, осторожно, но настойчиво высвободил его из Валькиных рук.

Отброшенный «калаш» железно пробрякал по ступенькам паперти снаружи. Парень вдруг всхлипнул и уткнулся лицом в плечо отцу Андрею.

– Ты не бойся, Валентин, Бог тебя не оставит! И я, грешный, тоже...

Алексей потом еле разыскал отца Андрея: священник, прижимая руку к сердцу, притулился на лавочке в глубине церковного погоста.

– Прихватило вот! – улыбнулся он виновато.

– У тебя, батюшка, наверно, инфаркт! «Скорую» вызвать надо! – засуетился Алексей. – Такое пережить! Я не знаю, смог ли бы вот так, как ты!

Но отец Андрей остановил его:

– Просто посиди рядом!

Когда Алексей, наконец, уgomонился, священник сказал тихо:

– А пошёл я потому, что верю в Бога! Знаю, не оставит...

Воевал я в первую чеченскую... «Штурмовали» раз в паре с ведомым объект в «зелёнке» в горах и вместо «духов» по своим бомбы сбросили. Неточно «навели» нас: разведгруппа там не успела отойти. Штабные потом стали искать виноватых, только в той неразберихе, которая была, найдёшь ли кого?! А я на «штурмовку» опять вылетел и... вернулся с бомбами обратно на аэродром. Не мог заставить себя их сбросить – вдруг опять по своим. Меня – в штаб, к генералу на «проработку». Трус, слюнтяй, пацан – выполняй приказ! Куда укажут – туда и бомби! Короче, кончилось всё рапортом об увольнении, отлетелся. Но, слава Богу, потом узналось: та разведгруппа вышла, все живы... А на «гражданке» мне жить как-то надо, семью, кормить. Устроился охранником в офис. А рядом – храм. Потянуло зайти, потом – чаще и чаще стал заходить, на службах стоять, свечи ставить за упокой погибших на той войне. В храме на душе легче становилось. А потом и духовного отца обрёл...

Отец Андрей надолго замолчал в раздумье, вспоминать прошлое было нелегко. Но когда начал рассказывать о своём духовном отце, в голосе его затеплилась радость и надежда.

Если бы Андрей, ещё тогда просто отставной лётчик и охранник, не услышал бы от прихожан, что священник тот – бывший «афганец», вряд ли бы сказал ему о происшедшем в Кавказских горах. Прежде пробовал на исповеди признаться иному батюшке, но словно спотыкался о непреодолимую преграду. Накануне тщательно подобранные слова безнадежно застревали где-то в горле: опять получалось, что, не начав ещё говорить, он уже как бы пытался оправдать себя.

И обычно священник, выждав неловкую паузу, отпускал смешавшегося окончательно Андрея: «Поди с Богом! Не дозрел ты ещё, чадо, до покаяния»

«Афганец», рослый здоровяк с седой бородищей, выслушав, не перебивая, рассказ Андрея, кивнул понимающе:

– Господь рассудит!

И отвечая не недоуменный взгляд Андрея продолжил:

– Я в Афгане во взводе разведки служил командиром отделения. Однажды в поиске напоролись с ребятами на засаду. Отбивались до последнего. Последним я и остался. Подлетела на выручку «вертушка», но поздно – одного меня вытащили живым. Знаешь, когда я валялся на железном полу, простреленный, с перебитыми руками и ногами, дал тогда Богу зарок, что если выживу, то детей заведу столько же, сколько было погибших солдат в отделении. И их именами сыновей назову... И вот с десятков пареньков с той поры народилось у нас с матушкой. От старших уж – внуки, а младшие ещё в школу ходят. В церкви меня Господь сподобил служить, теперь и духовных чад у меня сколько! Так что видишь, брат, воскрешается память об убиенных солдатах...

– Запали мне тогда в душу те слова! – вспоминал теперь отец Андрей. – Сам я стал с Божией помощью священником, когда пришло время! И чем больше духовных чад на путь спасения наставлю, тем большее утешение мне за тех, погибших на войне...

– Я теперь от тебя никуда, батюшка! – вздохнул Алексей. – Благослови!

МАЭСТРО

Нина Ивановна, спустя много-много лет, всё-таки вернулась однажды в Ильинку. В храме она остановилась перед кануном, сжимая в руке пучок простеньких свечечек; зажигая и расставляя их, шептала имена, на мгновение воскрешая в памяти полузабытые лица давно ушедших.

Вошла сегодня в храм Нина Ивановна без опаски, не остерегаясь осуждающего чужого глаза, не как в далёкой юности...

Тогда все её ещё звали просто Нинкой-Ниночкой. Она собиралась идти учиться в десятый класс, когда её отца, подполковника, заместителя командира танковой части, из города в Подмоскowie перевели в глухую северную глубинку. Нинка с мамой особо не отчаивались, собрались быстро: что поделать, судьба военная такая. Да и отца с войны четыре года ждали, вернулся совсем недавно.

Нинка теперь после уроков в новой школе – бывшем купеческом особняке в центре городка домой не мчалась, как угорелая – не мелочь пузатая уже, а вышагивала, не торопясь, в окружении сверстников, форсисто задрал носик и помахивая портфельчиком в руке. Голову рослой Нинки украшала свёрнутая в тяжёлую корону русая коса.

Ближе к околице ватага сверстников таяла. Дальше девчонке по полевой дороге вдоль жидкого перелеска до барачков воинской части предстояло бежать одной. Из мальчишек-одноклассников в провожатые пока никто не набивался, видимо, робея Нинкиного городского гонора и под стать ему характера.

Миновав околицу, Нинка прибавляла шаг, потом уж чуть ли не бежала. От заносчивой девчонки не оставалось и следа, мчалась как последняя трусишка. Ещё бы – в продуваемом насквозь ветром редком перелеске начинала мелькать согбенная мужская фигура с длинными включенными космами волос на голове. Незнакомец, выглядывая из-за стволов деревьев, передвигался по перелеску ничуть не медленнее Нинки, вынужденной перескакивать и обегать дорожные ухабы, заполненные водой. Девчонка, хоть и боялась попристальнее взглянуть в его сторону, всё-таки успела рассмотреть его лицо с вытаращенными глазами и облепленное клочками седеющей щетины. Домой Нинка заскакивала – не помнила как...

Она стала брать провожатых парней: уговаривать их не пришлось – тряхнула косой, и тут же побежали наперебой. По перелеску теперь никто не метался, лишь раз мелькнула в стороне знакомая фигура и пропала.

Нинка вздрогнула и испуганно заозиралась.

– Яшки, что ли, боишься? – спросил один из провожатых кавалеров. – Так это наш дурачок, безобидный и добрый. Ничего худого не сделает.

И вправда, Яшка к Нинке по-прежнему близко не подходил, только выглядывал её, прячась, из-за углов, и Нинка скоро стала привыкать к такому странному вниманию.

Иногда и ей самой доводилось незаметно понаблюдать за своим неожиданным «поклонником».

У Яшки было, видимо, что-то неладное с ногами: развёрнутыми в разные стороны ступнями он вздымал клубы пыли, неуклюже переваливаясь по подсушенной ещё почти летним солнцем улице, но передвигался довольно быстро, наклонив вперёд голову с нечёсаной гривой волос. Было Яшке за тридцать, сильно старила его борода с нашлёпками седины. На лице его, казалось, застыла навсегда блаженная улыбка, хотя большие чёрные глаза смотрели с печалью.

Выскакивали из подворотен брехучие псы, норовили ухватить Яшку за штанины; мальчишки-мелюзга, дразнясь, бежали следом за ним и пуляли камушками. Яшка, хоть бы что, скаля зубы, упрямо пёр вперёд...

Жил он в сторожке на краю погоста возле Ильинки: старик сторож потеснился, уступив на время убогому чуланчик, а тот так в нём и остался. Старушонки прихожанки Яшку, жалея, подкармливали, да и сам он не слонялся без дел, а их в приходском хозяйстве – пруд пруди.

Вот так же, жалеючи и чуть с насмешкою, однажды провожала взглядом Нинка бедолагу, несущегося куда-то по улице.

Нинка и сама спешила – на «осенний бал» в городковском доме культуры. В новом платье, стесняясь накинутаго на плечи старенького маминог пальто, она аккуратно обходила лужи, стараясь не запачкать туфли. Предстояли не какие-то школьные танцульки, а настоящий, первый в жизни, «взрослый» бал. К «дому культуры», расквартировавшемуся в стенах церковного собора, она пришла одной из последних. Постояла в нерешительности перед входом в здание со сбитыми куполами, пере-

шагнула порог, заметив проступающую сквозь побелку фреску со святым ликом над аркой входа.

Стены внутри собора, высокий свод тоже были наглухо забелены, но лики святых всё равно проявлялись тут и там. Новые хозяева здания пытались их прикрыть кумачовыми полотнищами с наляпанными наспех в «духе времени» лозунгами.

Молодёжь толпилась у дальней стены возле штабеля составленных друг на дружку длинных лавок для зрителей – кино показывать сегодня не собирались. На деревянном помосте сцены, устроенном в алтаре, резвились, выплясывая, девки в красных косынках из агитбригады; потом что-то, жутко фальшивя, попытался исполнить местный духовой оркестр.

И наконец... Заскучавшая Нинка даже растерялась, увидев на сцене... Яшку. В чистом, явно с чужого плеча, костюме, с аккуратно причёсанными волосами и подстриженной бородкой, он неуклюже проковылял к роялю, громоздившемуся в углу сцены, сел на табуретку, всё с прежней своей блаженной улыбкой вознял над клавиатурой руки с длинными пальцами и когда их опустил... Звуки вальса взметнулись и разлились под соборными сводами, по упразднённым властями Божьему храму закрутились в стремительном танце пары.

Нинку пригласил молодой красавец-лейтенант из отцовского гарнизона. Увлечённая танцем, она все время чувствовала на себе Яшкин взгляд, хотя, казалось, что за роялем он забыл обо всём на свете, без устали играя весь долгий вечер.

Все остались довольны: и танцоры, и любители, подперев плечом стенку, просто поглазеть. Только непонятным было Нинке: почему это в своём углу, что-то шепча, украдкой крестилась бабка-билетёрша...

Яшка после того вечера куда-то пропал; Нинка забеспокоилась даже. Будто чего-то не стало хватать в этом маленьком городке. И ноги её как-то сами собой принесли к ограде Ильинки, где в сторожке обитал Яшка. В храм она не зашла, побоялась: отличница, комсомолка – мало что накажут, но и ещё за «свихнувшуюся» посчитают.

У ворот Нинке встретилась та старушка-билетёрша из «дома культуры».

– Я уж, милая, подумала на тебя, что это наша Настенька воскресла! – воскликнула она, всматриваясь пристально Нинке в лицо.

– А кто она была?

– Дочка здешнего диакона.

Старушка поозиралась, взяла Нинку за руку и отвела на укромную лавочку, спрятанную в ещё не облетевших кустах у ограды.

– Перед войной, в тридцать седьмом, их всех «забрали». Настенька-то от отца не отреклась – и её тоже. И Яшкиного родителя, отца Игнатия, со старшими сыновьями. Яшке-то младшему, «заскрёбышку», особенный талант к музыке Господь дал. Парня даже в консерваторию в Петербург учиться взяли. А потом тоже – в тюрьму... – старушка заговорила ещё тише. – И вот Яшка вернулся, то ли отпустили, то ли сбежал. Ноги обморозил. Прибёг домой, а родных никого в живых нет. Всех! Он на колокольню взобрался и сиганул вниз. С горя. Грех смертный задумал совершить – самоубийство. Но жив остался. Господь безумием его наказал, только талант не отнял, оставил... А Настенька-то невестой его была обручённой. И ты – вылитая она!

– Где сейчас он... Яшка? – спросила растерянная и потрясённая старухиным рассказом Нинка.

– Лежит, вон, в сторожке едва живой... Он после каждого такого своего выступления болеет тяжко. Вот ведь судьба – памятью от прежней жизни один рояль у него остался, и в соборе, где отец настоятелем служил, играть для публики ему приходится. Страдает он, хоть и не в себе давно...

Нинка поднялась с лавочки и хотела уж пойти в сторожку проведать Яшку, но старушка удержала её:

– Лучше тебе, девонька, его сейчас не видеть! Он ещё хуже, чем есть...

Дома Нинку ожидал радостный, взволнованный отец:

– Собирайся, стрекоза, уезжаем отсюда! Меня переводят служить в Германию!..

Через пару дней немудреный семейный скарб был уложен в кузов грузовичка. Отец попрощался на плацу с танкистами, сел на переднее сидение открытого «виллиса» рядом с солдатом-водителем. Нинка и мать расположились позади.

Миновав околицу городка, машины вывернули на «большак». И тут, у поворота, Нинка заметила знакомую косолапую фигурку, ковыляющую наперерез по полю.

Яшка застыл на дорожной обочине, как вкопанный, и, когда мимо, набирая скорость, проезжали машины, так же, как и раньше, глядя на Нинку, блаженно улыбался и так же печальны были его глаза. Он поднял руку и прощально помахал. Робко, оглядываясь на мать, махнула ему рукой и Нинка...

...Нина Ивановна долго ещё стояла у кануна, дожидаясь, пока не погаснет огонёк поминальной свечки. Что стало с тем бедолагой Яшкой из далекой её юности, как окончил он дни свои? Теперь наверняка никто и не ведал. Сколько страдальцев в разные времена видел этот Ильинский храм – несть им числа.

г. Вологда